

Серженко И.И.

**Кто в городе главный?
Московское городское самоуправление и администрация на примере
частного случая из истории городского коммунального хозяйства**

Скандал

В марте 1895 года канцелярия Московской городской думы оказалась забросана десятками адресованных городскому главе писем от разгневанных москвичей. Обычные обыватели, состоятельные домовладельцы, торговцы, представляющие отдельные группы горожан гласные дум — все взывали к главе Московского самоуправления с просьбой вернуть в городе порядок.

Суть нелепого конфликта, а также масштаб коллапса, в который едва не попал город по вине властей, могут передать только выдержки из самих писем, оказавшихся в канцелярии Московской думы и управы:

«...при наступлении весеннего времени текущего года московская полиция распорядилась очисткой снега и сколкой льда с улицы при требовании немедленной вывозки с тем, чтобы с 6 марта сего года открыть колёсный путь и прекратить санное движение».

«...На всех московских улицах и переулках одновременно производится усиленная работа. Зима искусственно и преждевременно изгоняется из пределов столицы, несмотря на то, что с 7-ого на 8 марта в Москве был мороз в 15 градусов <...> Полиция напрягая все усилия к выполнению данного приказа нещадно требует очистки мостовых до камня и вот тянутся всюду бесконечные обозы с снегом и сколками с мостовой».

«...Настоятельность этих требований выражалась весьма часто наймом подённых и возчиков за счёт домовладельцев не только без согласия последних но даже без их ведома!».

«...Вашему превосходительству хорошо известно, какой тяжёлый домовладельческий кризис переживает Москва в настоящее время. Из года в год увеличивается казённый налог на недвижимыя имущества, а также земский сбор, новый квартирный налог и выполнение обязательных постановлений об устройстве

протуаров, штукатурки лестниц в деревянных домах, содержание домовых фонарей и пр. Кроме того, непомерно строгие и разнообразные требования полиции довели платёжные силы домовладельцев до крайней степени напряжения».

«...Все городские свалки переполнены грудями снега и доступ к ним делается невозможным так что соблюдается очередь, задерживающая быстроту работы. Благодеяние частных свалок доходит до того, что некоторые из них выручают до 500 руб. в сутки»

«...Победа над природой почти одержана, Москва, в отношении всего обширного подмосковного района с его многочисленными деревнями, представляет из себя громадную бесснежную площадь, тогда как в окрестностях столицы существует прекрасный санный путь, невозможный для езды на колёсах, на санях же в Москву доступ весьма труден, а с тяжестями и невозможен»¹.

«...Вследствие преждевременной сколки льда на мостовых крайне затруднителен перевоз товара по городу, что увеличивает провозную плату вдвое...»²

«...Спрашивается: каково положение крестьян, привозящих на зимнем ходу в Москву для продажи свои продукты, вдобавок ещё и на малосильных лошадях? Крестьянам волей неволей приходится сваливать свой товар у застав или продавать его за бесценок барышникам»³.

«...Нельзя не указать и ещё на одно последствие, до сего небывалое: это запрещение полицией езды на санях по главнейшим улицам, как например, по Тверской, Газетным переулкам, и проч., чем значительно стесняется езда по городу»⁴.

«Результатом сего оказалось то, что <...> к тем же домовладельцам предъявили требование о насыпке снега на улицы с дворов, а также засыпанию снега с возов проезжавших мимо возчиков снега».

¹ Центральный исторический архив Москвы (далее — ЦИАМ). Ф.179. Оп. 21. Д. 1423. Л. 9.

² Там же. Л. 7.

³ Там же. Л. 9.

⁴ Там же. Л. 3 об.

В один голос жаловались москвичи на действия городской полиции. Однако одно письмо стоит выделить из этого возмущенного хора — коллективное обращение 37 гласных думы. Подкованные в городском деле москвичи подают сложившуюся ситуацию вовсе не как локальное недоразумение, вызванное плохой работой полиции. Неожиданно на примере их обращения к городскому главе (что уже само по себе является фактом, на который стоит обратить внимание) по такому, казалось бы, обыденному вопросу, как очистка улиц, можно проследить всю запутанность сложившейся тогда в Москве системы управления городом.

«В 1894 году Московская городская дума пересматривала обязательные постановления о порядке содержания в исправности улиц, площадей и тротуаров. Вновь изданные обязательные постановления получили обязательную силу 7 октября 1894 года. По примечанию к параграфу 10 означенных обязательных постановлений, после метелей собранный в кучи снег и лёд должен быть убран в течении 3-х суток. По 11 параграфу тех же обязательных постановлений, скалывание лежащей под снегом коры запрещается.

По 14 параграфу, с наступлением полного весеннего таяния снегов лёд на замощённых улицах должен быть скалываем и кучи сколотого льда должны быть убраны с улиц в течении 3-х суток.

<...>

Во многих участках домовладельцам предъявлялись требования свозить накопившийся после метелей снег немедленно, и на указанные примечания к параграфу 10 о разрешении вывозки в течении 3-х суток не обращалось никакого внимания, вследствие чего многие домовладельцы вынуждены были значительно переплачивать возчикам за вывозку снега.

Далее с половины февраля к домовладельцам стали предъявлять требования о сколке лежащего на мостовой обледенелого снега, вопреки 11 параграфу обязательных постановлений. Результатом сего оказалось то, что на некоторых улицах езда на санях стала затруднительной. <...> Наконец в Ведомостях Московской городской полиции от 3-его марта напечатали приказ Г.И.Д. обер-полицеймейстера, коим он предписывает «в виду наступившей оттепели ныне же распорядиться сколкою с улиц ледяной коры и немедленно свозкою грязного льда и снега в места свалок».

Результатом такого приказа было повсеместное требование немедленно произвести сколку льда, хотя с 3-его марта по настоящее число на дворе стоят морозы...»⁵

Таким образом, мы можем видеть, что сложность ситуации с вывозом снега заключается не столько в странной политике городских властей, сколько в отсутствии взаимопонимания и взаимодействия между тремя главными исполнительными единицами городского правления: представителями городского самоуправления, горожан-домовладельцев и администрацией города, в лице её верных слуг полицейских.

Город и его дороги

В конце XIX века Москва представляла собой большой, динамично развивающийся европейский город. Развивалась техника, высотное строительство. Начинали применяться на практике новые финансовые схемы. Власти осваивали нормы Городского положения 1892 года. Сама того не зная, Москва вступала в самый успешный период своей дореволюционной истории.

Историк А.А. Кизеветтер о времени своего студенчества писал так: «Я попал в Москву и стал москвичом как раз накануне некоего перелома в её внутренней жизни. Уже на моих глазах, в самом конце 80-х годов и затем в 90-х годах минувшего столетия Москва стала быстро изощрять своё европейское обличье. Сначала стали вырастать то там, то тут небоскрёбы, многоэтажные дома с массою квартир, а на Девичьем поле, словно по мановению волшебного жезла, раскинулся целый городок превосходно устроенных университетских клиник (всё на пожертвования крупного московского купечества), потом пришли телефоны, автомобили и трамваи. А в середине 80-х всего этого и в помине не было»⁶.

Вся хозяйственная деятельность городских властей в этот период превращалась в постоянную попытку угнаться за всё возрастающими потребностями развивающегося города, или хотя бы достойное поддержание порядка на минимально необходимом уровне. Поэтому не удивительно, что такой показательный конфуз с очисткой снега случился в одной из самых болезненных для горожан сфере — дорожной. В условиях развивающейся торговли и роста численности населения городу были жизненно необходимо хорошее состояние дорог.

В качественных дорогах были заинтересованы, действительно, все москвичи. Пользовались ими как для прохода пешком, так и для проезда на транспорте абсолютно

⁵ ЦИАМ. Ф.179. Оп. 21. Д. 1423. Л. 1.

⁶ Кизеветтер А.А. На рубеже двух столетий. Воспоминания 1881–1914. М., 1997. С 34.

все горожане без социальных различий. Состояние дорог, мостовых являлось одним из первых показателей общей благоустроенности города. Увы, состояние это было весьма неутешительным. Дороги были той сферой хозяйства, которая требовала огромных средств и при этом совершенно не давала прямых доходов.

Именно поэтому вопрос о городских дорогах является одним из самых важных в жизни города и самых интересных — в плане понимания социальных отношений, взглядов общественного правления на политику и стратегию развития хозяйства, города в целом. Ремонт и очистка дорог была единственной сферой городского хозяйства ответственность за которую несли не только городские власти (институты городского самоуправления и городская администрация), но и непосредственно сами горожане, те, кто, по законодательству 1892 года, являлся главной силой при выборах в органы городского самоуправления — домовладельцы.

Поэтому, на наш взгляд, необходимо обрисовать положение дел в этой сфере, и главное — механизм решения проблемы дорог древней столицы.

Власти города делили заботы о дорогах на два направления, соответствовавших отдельным статьям расходов в городском бюджете: «Мостовые» и «Очистка города». Причем очистка города предполагала уход лишь за крупнейшими магистралями города, площадями, мостами и прочими общественными местами. В 1897 году обе эти статьи вошли в общую расходную статью «Благоустройство».

«Непарадные» проезды древней столицы должны были поддерживаться в надлежащем виде силами людей, живущих на них, — горожан-домовладельцев. Натуральная повинность москвичей включала в себя устройство тротуаров и содержание улиц в чистоте. Нормировались их действия одновременно специальными обязательными постановлениями городской думы, приказами обер-полицмейстера и указаниями представителей городской полиции непосредственно в каждом конкретном участке города.

С одной стороны, идея самостоятельного ухода домовладельцев за проездами на которые выходили их строения была вполне оправдана: кто как не сами хозяева могли лучше всего позаботиться о чистоте и опрятности прилегающей к их собственности территории? Но в некоторых случаях москвичи просто не могли справиться с данной задачей. Происходило это, прежде всего, когда хозяева были достаточно бедны и всё, что они могли, — это очищать территорию, и то достаточно формально. Что уж говорить о дорогостоящем ремонте или благоустройстве тротуаров и улиц. Такое могли себе позволить только очень состоятельные граждане, нередко

прибегавшие к данным мерам в целях удобства проезда к собственному дому, сохранения тишины и покоя (особенно в случае замены брусчатки на ровную и достаточно бесшумную асфальтовую поверхность).

Зачастую город злоупотреблял этим разделением обязанностей, и горожане физически не могли справиться со стоящей перед ними задачей. Так, достаточно примечательный случай произошёл в сентябре 1913 года, формально — самый благополучный период в дореволюционной истории Москвы. Тогда жители Яковлевского, Лялина и Барашевского переулков направили жалобу в московскую управу. Суть жалобы сводилась к тому, что, так как эти три переулка принимают на себя весь многочисленный поток людей и экипажей, едущих из центра города в сторону расположенного рядом Курского вокзала, а сами переулки эти очень узки, плохо мощены и освещены, то проживающие там горожане терпят множество неудобств, пешеходы постоянно бывают обрызганы грязью или рискуют попасть под лошадь. И справиться своими силами с этой ситуацией домовладельцы были просто неспособны! Жители этих переулков просили заменить существующую там мостовую на новую, усовершенствованного типа, а также улучшить освещение. Ответ управы на данное прошение был неутешителен для горожан — улучшение освещения в данном районе планировалось произвести только не ранее 1914 года, а замена мостовой не могла быть проведена в виду отсутствия на то средств⁷.

Таким образом, сфера заботы о городских дорогах в конце XIX – начала XX веков была во многом уникальна. Ни в одной другой отрасли муниципального хозяйства не были задействованы одновременно три действующие силы. Именно поэтому, на наш взгляд, конфликт в данной сфере является лучшим примером положения дел в системе муниципального правления Москвы.

Дума и администрация

Решение отдельных хозяйственных вопросов в Москве в конце XIX – начале XX веков являло собой лишь небольшую часть сложной, не всегда согласованной между собой системы управления городами, которая постепенно формировалась на протяжении более чем сотни лет.

Форма местной власти в городах зависит, прежде всего, от государственного устройства, устанавливающего приоритеты интересов органов управления действующих на территории Российской империи. При приоритете государственных интересов (что было в России до последней трети XVIII века) она являлась местной,

⁷ Московский архив. Историко-краеведческий альманах. Вып. 1 / под ред. В.Ф. Козлова. М., 1996. С. 47.

государственной, соподчинённой по вертикали государственному центру. По мере децентрализации государственной власти (с конца XVIII, весь XIX и начала XX век) возникает власть самоуправления с достаточно высокой самостоятельностью. Так, на одной и той же территории складываются два основных типа местной власти — государственное управление и самоуправление. В ходе истории эти типы меняли соотношение полномочий⁸.

В первую очередь была упорядочена система административного управления. По губернской реформе 1775 года вся Россия была разделена на губернии, вся власть в которых передавалась губернаторам и находящимся в их подчинении полицейским. В своём ведении губернатор объединял административно-полицейские, судебные и, что особенно важно для нашей работы, финансово-хозяйственные функции. Но спустя совсем небольшое время, в 1785 году, была предпринята первая попытка «разложить» решение последних на две разные ветки городского правления: уже имеющуюся административную и новообразованную — городское самоуправление. Заложено оно было Городовым положением 1785 г. — «Грамотой на права и выгоды городов России».

Основные функции «соборания городского общества», согласно Грамоте 1785 года, были достаточно ограничены. Дума должна была представлять губернатору отчёт «о своих общественных нуждах и пользах»; «выслушивать предложения генерал-губернатора и губернатора относительно тех же «нужд и польз» города, предусмотренных ими»; рассматривать, то есть проверять, городскую обывательскую книгу, составленную специально избранной для этого комиссией. И, наконец, одной из самых главных функций этого ведомства было избирать городских должностных лиц. Новая дума обязана была заботиться о необходимости «доставить жителям города нужное пособие их прокормлению или содержанию», а также о внешнем благосостоянии города, его внешнем виде, состоянии общественных зданий, амбаров, магазинов, пристаней, площадей. Согласно грамоте, дума должна была «стараться о приращении городских доходов», поддерживать в городе «мир, тишину и доброе согласие между гражданами», то есть частично выполнять полицейские обязанности, хотя в грамоте и оговаривалось, что дума не имеет права рассматривать дела, предоставленные ведению полиции. Впрочем, эта поправка вносит мало ясности в разграничение полномочий думы и полиции в вопросе сохранения порядка в городе.

⁸ Москва в начале века. М., 2001 С. 38.

Также дума должна была рассматривать и сохранять порядок во всех делах, связанных с гильдиями и цехами, — «охранять городское и ремесленное положение».

В первой половине XIX века административная ветка местного управления получает единый центр — образованное в 1802 году министерство внутренних дел. Именно оно являлось теперь главным центром, которое распределяло обязанности и контролировало губернаторов — высших чинов полиции на территории всей России. В период первой половины XIX века министерство выполняло три основные функции: на местах оно олицетворяло собой исполнительную власть, выполняло хозяйственные функции и охраняло безопасность и правопорядок. По мнению Т. Говоренковой, хозяйственная вертикаль деятельности министерства являлась своеобразным «инкубатором подготовки кадров для последующих самоуправлений»⁹ и была крайне полезна для России того времени, так как имевшиеся на тот момент институты самоуправления, да и само общество были ещё не готовы к тому, чтобы принять на себя груз ответственности за состояние общественного хозяйства на местах.

На рубеже 1850–60-х годов, по сравнению с 1785 годом, ситуация в стране сильно изменилась. Инициаторами преобразований в городском управлении в это время выступали московские дворяне. В компетенцию органов самоуправления постепенно входят все больше правовых и имущественных вопросов.

Историю городского управления в Москве во второй половине XIX века можно разделить на три основных этапа. Деление это связано с проведением в жизнь разных положений о городском самоуправлении. Первый этап охватывает период 1862–1872 гг., второй — 1872–1892 гг., а третий, больше всего интересующий нас в данной работе и являющий собой пик развития Москвы в дореволюционный период, длился с 1892 г. до Февральской революции 1917 года.

Деятельность московского самоуправления по законодательству 1862 года по-прежнему имела множество ограничений: в общем порядке оно подчинялась Сенату, в порядке местного самоуправления — военному генерал-губернатору и находилось в непосредственном ведении гражданского губернатора, который должен был подписывать все решения распорядительной думы и был её председателем. Гласные думы и работники управы получали чины наравне с государственными служащими. На думу распространялся надзор губернского прокурора, она не была вольна распоряжаться городскими средствами, городской бюджет проходил несколько

⁹ Москва в начале века. С. 39.

инстанций и утверждался правительством, а годовой отчёт поступал на ревизию в Казенную палату.

Следующий этап развития московского самоуправления можно связать с Городовым положением 1870 года, чья сила распространялась на все города Российской империи.

Городское самоуправление получило беспрецедентную на тот момент степень свободы. Полномочия самоуправления и администрации были чётко разделены: в ведении губернской администрации оставался лишь «надзор за законным исполнением» думой её обязанностей. В случае превышения администрацией этих полномочий дума могла обратиться с жалобой в Сенат. Также дума 1870-х – начала 1890-х годов получала большую финансовую самостоятельность. Сметы, составленные городской управой, рассматривались и утверждались самой думой и посылались губернатору только «для сведения». Думе было предоставлено право устанавливать в пользу города налоги с недвижимой собственности, торгово-промышленных сделок, трактиров, лавок, извозного промысла, сборы с лошадей, экипажей и собак, а также налоги с квартир и других жилых помещений. Дума стала самостоятельной в расходовании городских средств, могла распоряжаться городским имуществом, делала займы.

Одним из главных новшеств законодательства 1870 года было право думы издавать обязательные для жителей города постановления, что было до этого исключительной прерогативой полиции.

Члены управы в 1870–80-ые годы не получали чинов, как это было ранее; теперь их служба рассматривалась как общественная. Это значительно повышало степень доверия к ней горожан.

Необходимо сказать, что именно этот этап в истории становления городского управления стоит назвать главным. Дума и управа видятся горожанам как независимые от государства и имеющие реальные механизмы действия органы. Городской глава становится человеком с достаточными полномочиями, чтобы обращаться к нему за реальной помощью.

Однако сложившаяся в 1870–80-е гг. ситуацию совершенно не стоит идеализировать. Дарованная городам свобода и неподконтрольность государству приводили к невиданным ранее злоупотреблениям. В течение первого десятилетия своей деятельности московская управа не предоставляла думе никаких отчётов о своей деятельности, а дума за эти годы не провела ни одной ревизии.

С Городового положения 1892 года началась новая эра в истории городского правления вообще и городского хозяйства в частности. Стоит отметить, что новое городовое положение почти сразу вызвало волну недовольства общественности. Причина его, прежде всего, заключалась том, что положение было выполнено в духе получившей в тот момент широкое распространение в Европе «государственной» теории самоуправления. То есть институты городского самоуправления рассматривались как часть государственной системы управления страной. Таким образом, фактически полноценное, сложно организованное самоуправление и городская администрация становились единым механизмом, где последней отдавались исполнительные и контрольные функции. Конечно, механизм этот не был достаточно отлажен и в его работе происходили сбои, подобные описанному ранее конфликту. Они и помогают нам лучше понять все плюсы и минусы сложившейся системы.

Горожане не сразу восприняли новый порядок вещей в городе. «Сращивание» самоуправления и администрации воспринималось как ограничение прав независимого самоуправления. Теперь все должностные лица должны были утверждаться губернатором, а если предложенные кандидатуры его не устраивали, дума была обязана провести новые выборы. Также центральная администрация имела право сама назначать городского главу в тех случаях, когда это не мог сделать город. В 1897 году дума на протяжении целого года не могла выбрать городского главу, и только перспектива «позора» назначения главы «сверху» заставил князя В.М. Голицына согласиться занять этот пост. Губернатор имел право опротестовать решение думы, если, по его мнению, оно «нарушает интересы местного населения». Согласно новому городовому положению, дума было ответственна перед губернатором за все стороны своей деятельности, начиная от выборов и кончая составлением финансовых смет. У городского главы была своеобразная «повинность» регулярно отчитываться перед московским губернатором о работе думы и управы.

Именно поэтому Городовое положение 1892 года часто называют реакционным. Но одновременно многие историки признают, что сокращение вольностей пошло только на пользу городскому общественному правлению. Усиление надзора администрации и ужесточение контроля со стороны губернатора положили конец злоупотреблениям.

Дополнительным стимулом к более качественной работе думы и управы послужило то, что высшие городские деятели вновь становились государственными служащими. Городской глава Москвы получал чин IV класса — действительного статского советника, товарищ городского главы и члены управы были приравнены к

надворным советникам (VII класс). Помимо социального статуса, главные деятели городского самоуправления получали и неплохое жалование. Так, доходы московского главы можно было сравнить с доходами министра. А годовой доход членов управы составлял почти шестикратный годовой доход школьного учителя (1909 год)¹⁰. Деньги город выделял из собственных средств. Конечно, теперь все эти лица должны были получать специальное утверждение губернатора, но повышение их социального статуса и материального положения повышало заинтересованность в получении таких должностей образованных и честлюбивых горожан.

В структурах московского самоуправления работало огромное количество людей, а темп увеличения их числа можно считать ещё одним показателем развития городского хозяйства и благополучия города: с одной стороны, требовалось большее количество людей для работы в развивающейся сфере, с другой стороны, у города было достаточно средств, чтобы содержать такую армию городских чиновников. В 1891 году в Москве насчитывалось более четырёх тысяч городских служащих, а в 1912 — уже около 22 тысяч¹¹.

Работа в городском правлении стала престижной. На звания гласных всё чаще претендуют представители аристократии. Повысился и средний уровень образования чиновников: с 1897 года все члены московской управы были выпускниками Московского университета или других учебных заведений. По мнению Л.Ф. Писарьковой, «интерес к общественной деятельности был вызван как новой избирательной системой, так и характерным для этого периода разочарованием образованной части русского общества в государственной службе. Это значительно усилило оппозиционность Думы по отношению к правительству»¹². Городской секретарь, позже городской глава Н.И. Астров писал о Московской городской думе так: «... здесь — работа в самой гуще жизни. Здесь — свобода инициативы, мысли, иногда увлекательнейшие речи на темы широкого общественного интереса таких людей, как С.А. Муромцев, кн. А.И. Урусов, В.М. Пржевальский, проф. В.И. Герье, В.М. Духовский. Постановка новых целей и задач во всех областях интереснейшего дела, которое называлось — далеко не охватывающим всего сложного содержания и внутреннего смысла — словом «городское хозяйство»¹³.

Именно в это время совершенно поменялся и облик людей, игравших важную роль в жизни города. Изменились коммерсанты и предприниматели, которыми была

¹⁰ Писарькова Л.Ф. Городские реформы в России и Московская дума. М., 2010. С. 248.

¹¹ Известия Московской городской думы. 1892. Вып. 12 отд. 4 С.10; Там же. 1912. Вып. 8. С. 93.

¹² Писарькова Л.Ф. Указ. соч. С. 265.

¹³ Астров Н.И. Воспоминания. М., 2000. С. 29.

полна и так славилась Москва, и от денег которых так зависело её развитие. Цитируя того же историка А.А. Кизиветтера: «...вместе с телефонами и автомобилями вышел на сцену новый купец, «джентльмен», меценат и политический фрондер, библиофил, декадент». Получившие прекрасное образование, талантливые люди занимали выборную должность городского главы — фактически одного из двух (наравне с генерал-губернатором) главных людей Москвы.

Подводя итоги, стоит сказать, что Москва в конце XIX – начале XX века находилась на пике своего развития в дореволюционной истории России. Во многом это было заслугой закономерного развития системы городского правления, прошедшего на тот момент много этапов. На протяжении XVIII–XIX веков местные органы самоуправления, которые, прежде всего, и должны были после реформ Екатерины II заниматься хозяйственными вопросами, никогда не были полностью свободны от жесткого контроля административной власти. В то же время период действия Городового положения 1870 года, даровавшего самоуправлению максимум свобод, отнюдь не являлся золотым временем развития городского хозяйства, а наоборот, повлёк за собой массу злоупотреблений свободой на местах. Но именно этот период сформировал в обществе представление, что городская дума, управа и глава являются реальными носителями власти в городе.

Поэтому в конце XIX – начале XX века система городского правления переживает своё золотое время. С одной стороны, муниципальные учреждения рассматривались центральной администрацией как часть государственного аппарата. Финансово-хозяйственная деятельность институтов самоуправления тщательно проверялась и контролировалась. Гласные думы и служащие управы получали жалование и чины. С другой стороны, образованное городское общество уже привыкло видеть в органах самоуправления самостоятельные, независимые учреждения имеющие реальную власть и полномочия. Укрепляло это представление ещё и то, что в интересующий нас период городские власти именно в лице самоуправления стали являть собой самостоятельного игрока в экономике города, приобретать предприятия и заключать концессионные соглашения. В этот период дума и городской голова рассматривались горожанами как главная сила в городе. И в случае превышения центральной администрацией своих полномочий, или действиях, противоречащих указаниям думы, разгневанные москвичи в первую очередь обращались именно в институт местного самоуправления — городскую управу. Что мы и могли видеть на примере конфликта с очисткой города.

...Что же до описанной «снежной» истории 1895 года, то архив канцелярии городской думы и управы не сохранил сведений, как именно она закончилась. Но в 1910-е годы очистка улиц была взята на баланс города.

Список источников и литературы:

1. Центральный исторический архив Москвы. Ф.179. Оп. 21 Д. 1423.
2. *Астров А.А.* Воспоминания. М., 2000.
3. Известия Московской городской думы. 1892. Вып. 12. Отд. 4. С. 10.
4. Известия Московской городской думы. 1912. Вып. 8. С. 93.
5. *Кизиветтер А.А.* На рубеже двух столетий. Воспоминания 1881–1914. М., 1997. С. 34.
6. Москва в начале века. М., 2001.
7. Московский архив. Историко-краеведческий альманах. Вып. 1 / Под. ред. В.Ф. Козлова М., 1996.
8. *Писарькова Л.Ф.* Городские реформы в России и Московская дума. М., 2010.